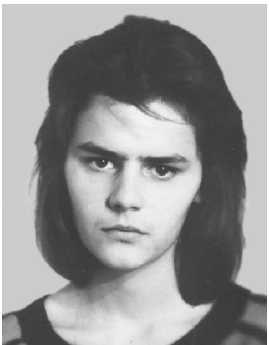

*М.И.Воловикова
И.Н.Флерова,
С.В.Тихомирова,
А.М.Борисова**

**Подготовка к празднику
у русских:
этнопсихологическая
специфика социальных
представлений**

В статье приводятся результаты исследования этнопсихологической специфики социальных представлений русских в контексте подготовки к празднику. Специально изучена символика такого события, как свадьба. Впервые публикуются воспоминания о праздниках конца 1930-х гг. и периода Великой Отечественной войны, записанные в Вологодской области (д. Леушкино). Приводятся данные исследования представлений о подготовке к празднику современных подростков из разных регионов России. Показано, что в нынешних условиях период подготовки к празднику претерпевает изменения, модификации.

Теоретический анализ проблемы показал, что праздник является важным моментом в жизни народа и каждой конкретной личности. Праздничное действо — это способ сохранения традиционной культуры, свободной и радостной передачи подрастающему поколению ощущения принадлежности к своему этносу, основа чувства уважения и интереса к другим этносам и культурам. На примере психолого-исторической реконструкции празднования Пасхи в дореволюционной, советской и постсоветской России показано, что передача традиции осуществляется и в затрудненных условиях и обстоятельствах, поскольку настоящий праздник архетипичен и самым непосредственным образом связан с законами духовно-нравственного развития личности и социума [3].

Праздник — по-детски простое и радостное явление жизни народа. Но на пути научного анализа его встает множество непростых загадок. И если для историков, этнологов и антропологов праздничное действо давно стало

* **Воловикова Маргарита Иосифовна** — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, руководитель проекта «Подготовка к празднику у русских: этнопсихологическая специфика социальных представлений» (03-06-00083а).

Флерова Ирина Николаевна — искусствовед, старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи, исполнитель того же проекта.

Тихомирова Светлана Витальевна — научный сотрудник Института психологии РАН, исполнитель того же проекта.

Борисова Анастасия Михайловна — младший научный сотрудник Института психологии РАН, исполнитель того же проекта.

объектом исследования [5, 8], то психологи эту тему практически не изучают, хотя для социальной психологии праздник может выступать той естественной формой организации жизни семьи, этноса, народа, в которой максимально проявляется условие свободы и развития личности — при очень определенных и четко закрепленных в народной традиции правилах его организации. Правила эти можно сопоставить с канонами в иконописи: при обязательном следовании канону художник свободен в своем творчестве. Канон обеспечивает свободу следования по духовному пути и отсекает те проявления творчества, которые снижают его уровень.

Праздничные традиции составляют существенную основу общественной жизни каждого народа. Изучая их, специалисты по исторической антропологии находят звенья, говорящие о преемственности культур. Так, антрополог Л.Абрамян делает вывод о том, что архаичная структура праздника сохраняется в изменившихся социальных условиях и что даже советские праздники имеют в основе свою мифологию: мифологию «усеченного космоса», где вместо неба — нарисованные звезды, а демонстрации и шествия имеют свой определенный ритуал реализации «антиструктуры» [2].

Из житейского опыта последних десятилетий совершенно очевидным становится наличие у людей базовой потребности в символическом смысле праздничных ритуалов. Особенно это проявляется в серьезном обсуждении того, как и в чем следует встречать очередной Новый год, связанный, по восточной мифологии, с тем или иным животным: факт, хорошо известный и используемый рекламой в коммерческих целях.

Проведенный теоретико-методологический анализ проблемы подготовки русских к празднику (в контексте исследования этнопсихологической специфики социальных представлений) позволил выявить несколько блоков проблемы: 1) психологическое время подготовки к празднику; 2) архетипическая природа социальных представлений о празднике и специфика социальных представлений о подготовке к празднику у русских (историко- и этнопсихологические аспекты); 3) современные представления о подготовке к празднику у русских. Отдельным блоком выступила проблематика, связанная с символическим, культурологическим и этнопсихологическим анализом русской свадьбы.

Православные календарные праздники, составлявшие в дореволюционной России основу общественной жизни, построены на представлении о времени, отличном от современного. Образ времени нес отпечаток повторяемости (цикличности), но одновременно — неповторимости. Предполагалась наполненность времени определенным, канонически закрепленным переживанием. Пролонгированность времени праздника обеспечивалась уставом (предпразднество и попразднество).

С древних времен до настоящего времени период подготовки к празднику наполнен обрядами, имеющими сакральный, символический смысл, регламентация порядка и правил выполнения этих обрядов представляет ценность для этноса и передается от поколения к поколению.

На протяжении веков подготовка к празднику носила прежде всего духовный характер, материальная составляющая подчинялась духовной. Проведенное нами эмпирическое исследование современных представлений

о подготовке к празднику у русских показало наличие этих двух составляющих моментов подготовки — духовной и материальной, причем материальная составляющая заняла доминирующее положение.

В современных условиях период подготовки к празднику претерпевает изменения, модификации. В традиционной русской культуре, основанной на православной традиции, праздники были тесно связаны с трудовыми ритмами. Праздник требовал как материальной подготовки (шитье праздничной одежды и др.), так душевной (настроя) и духовной (молитва и предваряющий большинство больших праздников пост).

Материалы, собранные нами во время экспедиции в Вологодскую область, свидетельствуют о сохранении большинства традиций праздников на русском Севере в 1930, 1940-е и в 1950-е гг., несмотря на материальные и другие трудности тех лет. В рассказах информаторов выделены следующие основные моменты подготовки к празднику: а) тщательная уборка помещений (включая мытье потолков и стен); б) заготовки продуктов задолго до праздника (накапливание тех или иных продуктов — муки, круп, творога и др. — путем экономии или запрета на употребление в период поста); в) приготовление праздничных блюд (пирогов) накануне праздника (когда время праздника освобождается от работы); г) традиция шить обновку оставалась, но ее не всегда удавалось исполнить.

Участники деревенских праздников были носителями праздничной культуры, т.е. умели петь, танцевать, знали много игр. В 1930-е гг., несмотря на закрытие близлежащих храмов, сохранялся годовой ритм календарных православных праздников: соблюдался запрет на игры и развлечения во время поста, особой подготовкой отмечался праздник Пасхи, сохранялась память о Рождественской елке (которая в представлениях деревенских жителей в тот период еще не стала «новогодней»). Отсутствие угощений и обновок в годы Великой Отечественной войны не меняло принятого порядка общих деревенских праздников.

Так, информатор (женщина 1935 г.р., жительница дер. Леушкино Кирилловского района Вологодской области) рассказывает: «К Пасхе готовились: за зиму копать надо было вымыть, дресвяными камнями натирали стены (обоев не было), варили щелок. Стены, пол, потолок на Пасху обязательно мыли. Чтобы все было выстирано на Пасху. Варили пиво, мололи муку на пироги, были ручные жернова. Чтобы пироги были белые, пшеницу мололи вручную... Пироги пекли с вечера. На Пасху всегда покупали снеток, жарили снеток. Варили студень (для него берегли ножки) и наваристые, жирные щи. Варили в глиняных горшках... Берегли рис, гречу, пшено, варили кашу. С молоком, маслом. Изюма не было. Иногда кисель варили, пироги с картошкой, грибами, луком. Это угощение. Скатерть менялась. Шили иногда новые платица ситцевые... Дадут 1 яичко крашеное. Надо было 3 десятка сдать государству».

Из рассказа видны и материальные ограничения подготовки к празднику, связанные с «самообложением» (государственным налогом крестьянства, вносимым в виде натуральных продуктов), и традиция заблаговременной заготовки продуктов для празднования. Практически все необходимо было делать своими руками (посеять, собрать, намолоть, испечь, напярсть, наткать, сшить

и т.д.). Однако видно, что традиция подготовки соблюдалась неукоснительно: «На Пасху, неделя, каждый день отмечали в какой-то из деревень. У нас — суббота. В воскресенье — это уже в Ферапонтово ходили. Все деревни, в каждой родные собирались...»

Основные воспоминания информатора пришлись на годы Великой Отечественной войны. На русском Севере военные действия не велись, но северные деревни отдали фронту своих взрослых мужчин: «Я помню, как мужиков отправляли на войну. Мне было пять с половиной лет. Побежали в поле. Нарвали цветов, нас прокатили в поле на телеге. Удивилась, что бабушка плачет — день хороший. <...> Погибло в деревне 7 человек, кто болел (потом). День Победы — бабушка была в Кириллове. Сказала, что война кончилась. <...> На Павшинском 37 мужиков погибло в войну». Информатор отмечает: «Жили трудно. Работали без выходных, без отпусков. Ребятишек в семье всегда было 5-6 человек. А какой порядок в доме был!»

Праздники помогали переносить трудности военного и послевоенного времени, давали силы. Проходили они по заведенной традиции: «Делали качели — если в марте, то в сарае, а обычно качели — в деревне амбар большой был, /был/ гармонист. Каждый вечер собирались... В войну остались ребята 15–16 лет. Устанут (после работы), но все равно плясали. <...> Голодные, холодные, но весело было, дружные были. <...> Как ждешь праздника! Туфельки, 1 платье берегли. Босиком шли до Ферапонтово — на Престол Мартиниана 9 июня (мыли ноги и обували туфли). <...> Ездили на ярмарку. 21 июня на другой день было как гулянье в Кириллове. Была также Успенская ярмарка в Кириллове». Подготовка к празднику обеспечивалась умениями и навыками — петь, играть, вышивать, плести кружева («Платье сами шили. Плели кружева, вязали крючком. Каждая невеста готовила себе приданое: купить нельзя было»).

В ходе эмпирического исследования современных представлений о подготовке к празднику разработанная нами анкета была предъявлена 150 московским школьникам (возраст 14–16 лет, 75 девочек, 75 мальчиков), 105 старшеклассникам из Екатеринбурга (возраст 14–17 лет, 65 девочек, 40 мальчиков), 96 старшеклассникам из Верхнего Тагила (возраст 14–17 лет, 51 девочка, 45 мальчиков). Для выявления представлений взрослых о периоде подготовки к празднику анкета была предъявлена 38 взрослым и пожилым жителям Москвы (7 мужчин и 31 женщина). Выделены следующие общие для всех отвечавших моменты подготовки к празднику: а) приготовление праздничных блюд (от 90 до 92%); подготовка подарков (от 52 до 89%); уборка и украшение помещения (от 81 до 86%); придумывание (или покупка) праздничной одежды (от 28 до 30%); организация развлечений (конкурсы, лотерея) и др. (от 20 до 21%). Во всех группах подростков выделилась небольшое количество (от 3 до 5%) тех, кто отрицает праздник и не считает, что к нему нужно готовиться. Только небольшая часть подростков (от 2 до 3%) в каждой группе указала, что умеет петь или играть на музыкальных инструментах. На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что в целом основные моменты подготовки к празднику в представлениях русских сохраняются, однако их конкретное содержание претерпевает изменения.

Анализируя материалы организованной и проведенной нами телеконференции на тему о подготовке к празднованию свадьбы, мы выяснили, что для большинства участвовавших в телеконференции молодых людей (16 человек в возрасте от 16 до 23 лет) характерно представление о безусловной необходимости церковного венчания (от 90 до 100% респондентов — в каждой из возрастных групп).

На примере подготовки к празднованию свадьбы мы рассмотрели символическое значение отдельных моментов подготовки к празднику.

Свадебный обряд у русских является наиболее разработанным, сакрализованым и сложным, чем у многих других европейских народов [9]. В течение веков он видоизменялся в деталях, сохраняясь в самом главном и существенном, прежде всего, связанном с отношением к браку как к таинству. Характерное для нашего времени отсутствие многих составляющих обряда связано с утратой тех устоев, которые определяли суть этого обряда. Так, материалы, помещенные на сайте свадебного агентства www.wedding.ru, демонстрируют полное отсутствие у современных профессиональных организаторов свадьбы понимания сути, порядка и этнической специфики тех или иных моментов подготовки к свадьбе и самого свадебного обряда. Прежде всего, стало обычным явлением начало совместной жизни задолго до церковного венчания, а отсюда — стремление «разнообразить» свадебный обряд (появление ритуала «похищения невесты» и т.п.).

Для возвращения благоговейного отношения к браку необходима специальная работа по осознанию подлинного значения и смысла каждого из моментов, связанных с подготовкой или проведением свадьбы у русских. Данная работа должна включать три взаимосвязанных темы: исторически сложившееся понимание таинства брака в русской культуре; свадебный обряд в дореволюционной русской деревне; символическое значение отдельных моментов подготовки и проведения свадьбы. Специальную задачу составляет анализ современной картины свадьбы у русских, т.е. того, что сохранилось или утрачено в этом обряде.

Брачный обряд имеет свою древнюю историю. Еще в Ветхом Завете к браку относились как к одному из самых важных событий жизни. Но о брачных обрядах мало что известно. Из истории женитьбы Исаака на Ревеке [1] мы знаем, что он предлагал своей невесте подарки, что Елеазар совещался с отцом Ревеки относительно ее замужества, а затем был устроен брачный пир.

В более поздние времена в Израиле жених в присутствии посторонних лиц должен был предложить невесте подарок, обыкновенно состоявший из серебряных монет. Затем приступали к заключению брачного договора, которым определялись взаимные обязательства будущих супругов. По окончании предварительных актов жениха и невесту благословляли. Для этого устраивалась особая палатка под открытым небом: сюда являлся жених в сопровождении нескольких мужчин, которых евангелист Лука называет «сынами брачными», а евангелист Иоанн — «друзьями жениха». Невесту сопровождали женщины. Здесь их встречали приветствием: «Да будет благословен каждый, приходящий сюда!» Потом невесту обводили три раза вокруг жениха и ставили по правую руку от него. Женщины покрывали невесту

толстым покрывалом. Все обращались к востоку; жених брал невесту за руки, и они принимали ритуальные благопожелания от гостей.

Подходил раввин, покрывал невесту священным покрывалом, брал в руку чашу с вином и произносил при этом формулу брачного благословения. Жених и невеста выпивали чашу. Затем жених брал золотое кольцо, и сам надевал его на указательный палец невесты, произнося при этом: «Помни, что ты сочеталась со мною по закону Моисея и израильтян». Прочитывался брачный договор в присутствии свидетелей и раввина, который, держа в руках другую чашу с вином, произносил семь благословений. Новобрачные снова пили вино из этой чаши. Жених разбивал первую чашу, которую до этого держал в руке, о стену, если невеста была вдовой. Этот обряд должен был напоминать о разрушении Иерусалима.

Затем палатка убиралась, и начинался брачный пир. Семь дней продолжался пир в память о том, что Лаван некогда заставил Иакова работать в его доме семь лет за Лию и семь лет — за Рахиль. В течение этих дней жених должен был передать невесте приданое, выполняя, таким образом, брачный договор.

При сравнении еврейского брачного обряда с христианским сразу бросаются в глаза сходные моменты, но главное то, что в христианском чинопоследовании брака [подробнее см. 7] постоянно встречаются упоминания ветхозаветных праведников и пророков: Авраама и Сары, Исаака и Ревеки, Иакова и Рахили, Моисея и Сепфоры. По всей видимости, составители христианского чинопоследования в качестве примера взяли образ ветхозаветного брака. С другой стороны, христианский брак имеет своим истоком греко-римскую традицию.

Брачному обряду в древности предшествовало обручение, которое было актом гражданским и совершалось согласно местным обычаям и установлениям, насколько это было возможно для христиан. Обручение совершалось торжественно в присутствии многих свидетелей, которые удостоверяли брачный контракт. Оно сопровождалось скреплением рук жениха и невесты. Жених дарил невесте кольцо, которое было сделано из золота, серебра или железа — в зависимости от состоятельности жениха. Климент, епископ Александрийский, во второй главе своего «Педагога» говорит: «Мужчина должен дать женщине золотое кольцо не для внешнего украшения ее. Но для того, чтобы положить печать на хозяйство, которое с тех пор переходит в ее распоряжение и поручается ее заботам».

Выражение «положить печать» объясняется тем, что в те времена кольцо (перстень), а точнее вправленный в него камень с вырезанной эмблемой, служило печатью, которой запечатлевалась собственность и скреплялись деловые бумаги. Христиане вырезали на своих перстнях печати с изображением рыбы, якоря, птицы и других христианских символов. Обручальное кольцо надевалось обычно на четвертый (безымянный) палец левой руки. Это имело основание в представлениях того времени, будто один из тончайших нервов безымянного пальца непосредственно связан с сердцем. Есть традиция называть этот палец пальцем свободы воли. Ты был свободен до брака, а теперь твоя свобода вручена добровольно другому человеку.

К X—XI вв. обручение утрачивает свое гражданское значение, и обряд этот совершают уже в храме. Но еще долгое время обручение совершалось

отдельно от венчания. Окончательное единообразие чин обручения получил лишь к XVII столетию.

В IV в. вошли в употребление брачные венцы, возлагаемые на головы жениха и невесты. На Западе им соответствовали брачные покровы. Сначала это были простые венки из цветов, миртовых или масличных листьев. Такие венцы до сих пор используются в Греческой православной церкви. В России их стали делать из дерева, позже — из металла, придавая им форму царской короны. Венцы знаменуют победу над тяготами жизни и страстями, равную победу мучеников. Они напоминают о царском достоинстве человека, которому Господь отдал во владение всю землю. В древности как новокрещенные семь дней носили белые одежды и на восьмой слагали их с соответствующей молитвой, так и новобрачные семь дней после венчания носили венцы и на восьмой слагали их с молитвой священника.

Несмотря на то, что уже к XIII в. браковенчание совершалось отдельно от литургии, эти два таинства были тесно связаны. Поэтому с древности и до нашего времени жених и невеста, желающие сочетаться таинством брака, готовят себя к принятию благодати постом и покаянием, а в день венчания вместе причащаются Святых Божественных Тайн.

В некоторых приходах юго-западных епархий обручение сопровождается присягой верности, которую дают друг другу жених и невеста. Этот обряд, заимствованный из западной традиции, глубоко укоренился в сознании местных жителей, почитающих его чуть ли не самой существенной частью обряда.

В наше время церковный брак лишен гражданской юридической силы, поэтому венчание совершается после регистрации брака в ЗАГСе.

В исследованиях этнографов и фольклористов таинство венчания всегда упоминается, но никогда специально не анализируется. То, что называется русским свадебным обрядом, относится ко всему, что предшествует венчанию либо следует после него, как бы украшая эту сокровенную драгоценность узорами, сотканными из всего богатства народной культуры — песен, игр, яств, рукоделья. Так исследователи отмечают: «Обряд традиционной народной свадьбы принадлежит к наиболее сложным, монументальным и архаичным памятникам русского фольклора» [4, с. 241].

Период подготовки к свадьбе охватывал практически всю сознательную жизнь подрастающего человека. «За работами и увеселениями шел постоянный процесс передачи трудового и духовного опыта сельского мира. Молодежь усваивала традиционные этические представления и нормы поведения, перенимала фольклор. Незаметно, но постоянно крестьянская община формировала своих будущих членов, готовила к взрослой семейной и общественной жизни» [6, с. 472].

Обычаи и обряды свадебного ритуала соблюдались полностью, если для молодых это был первый брак. Так же праздновались свадьбы вдовых мужчин с девушками, ранее не состоявших в браке. Браки же вдовых и холостых мужчин с вдовами не сопровождалась свадебными обрядами [6, с. 473].

Хотя свадебный обряд в различных местностях России имел свою специфику, его основой всегда и повсюду была передача невесты из родного

дома в семью будущего мужа. «Всевозможные предварительные, сопровождающие и последующие действия, развивающиеся вокруг этого центрального момента, растягивались на более или менее длительный срок, составляя торжественный поэтико-этнографический комплекс» [4, с. 243].

Начиналась свадьба с предварительной договоренности между семьями — *сватовством*. Исследователи быта русского крестьянства отмечают, что обычно крестьяне из чувства собственного достоинства старались взять в невесты ровню. Нередко кроме демонстрации внешних данных невесты устраивали испытание ее трудовых навыков — заставляли прясть, шить, исполнять разные работы. Затраты на свадьбу четко распределялись между обеими сторонами, причем сторона жениха брала на себя большую часть расходов, как бы возмещая потерю рабочих рук в доме невесты. Сосватанная невеста в знак согласия на брак передавала жениху *залог*, обычно это был платок [6, с. 478].

Период подготовки к свадьбе был глубоко лиричен и имел ярко выраженную духовную составляющую. Так, перед *рукобительем* (окончательной договоренностью о сватовстве) отец невесты мыл руки, зажигал свечи у образов и молился [4, с. 293]. После *просватанья* девушка считалась уже безоговорочно обещанной в новую семью.

Затем шли последние приготовления к свадьбе в доме невесты: завершалось шитье приданого, прощание невесты с родственниками, с родными могилами на погосте и др. Подруги невесты ходили по деревне с оповещением о предстоящей свадьбе; в доме невесты проводились вечеринки для молодежи (все это занимало около недели). В конце недели устраивалось прощание невесты с женской родней, подругами, младшими сестрами — *девишник*, где происходило трагическое расставание ее с «волей» и «красотой», символом чего было снятие девичьего головного убора («повязки», «красоты») и расплетание косы, которая после венца переплеталась на две. «Невеста, падая родителям в ноги, просила у них благословения расплести девичью косу; один из наиболее трагических моментов традиционного обряда, происходивший или в конце девишника, или на другой день после него при отправлении невесты в последнюю девичью баню» [4, с. 295].

Утром в день свадьбы родители благословляли молодых и те уезжали к венцу. От венца молодые приезжали в дом новобрачного, уже заполненный родственниками и гостями. «В дверях родители молодого осыпали их хмелем, зерном, мелкими деньгами, благословляли и вели в особую горницу, где им подавалось предварительное угощение, отдельное от гостей. Затем они выходили в общую комнату; собравшиеся встречали их поздравлениями, пожеланиями и песнями. В течение всего свадебного стола не умолкали величания в честь новобрачных и гостей» [4, с. 284].

Время браковенчания было неразрывно связано с недельным и годовым ритмами церковных праздников. Большинство браков приходилось на осень. От Покрова (1 октября ст. ст.) и до Филиппова заговенья (14 ноября), а также на зиму от Крещенья до Масленицы. «В некоторых местах (например в Ярославской и Владимирской губерниях) все же сохранялась древняя традиция играть свадьбы весной, на Красную горку, после Пасхи» [6, с. 474].

Исследователи отмечают, что в местностях, где быт сравнительно мало подвергался посторонним воздействиям (например в отдаленных углах Русского Севера), последовательность отдельных моментов свадьбы заполнялась обрядовыми подробностями особо богато, и держались они долго и устойчиво.

Русская свадьба наполнена глубоким содержанием, помогающим человеку обрести смысл своей жизни, связь с другими людьми и миром. Она преобразует, прежде всего, жениха и невесту в единого *целого* человека, но воздействует и на всех участников, каждому из которых в русском свадебном обряде отводится свое важное место.

Материальная сторона (одежда и пр.) также пронизана духовными смыслами. Отсюда — особые требования к внутреннему состоянию человека, который шьет платье или готовит угощение.

Мы полагаем, что в традиционной культуре русских, наполненной произведениями фольклора, прежде всего свадебными обрядовыми песнями, гораздо проще и естественнее было сохранять правильный душевный настрой в течение всего периода предсвадебной подготовки. Однако сохранение венчания как главного и основополагающего момента в центре русской свадьбы позволяет современным русским людям воспринимать свадебное действо в полноте его символических смыслов.

Хотя в целом, как показало проведенное нами исследование, происходят изменения в представлениях русских о периоде предпраздничной подготовки (сокращение и упрощение этого периода), потребность в символическом наполнении праздничного действия сохраняется.

Литература

1. Библия. М.: Изд. Московской Патриархии, 1976.
2. Абрамян Л., Шагоян Г. Динамика праздника: структура, сверхструктура, антиструктура // IV Конгресс этнографов и антропологов России (Нальчик, 20–23 сентября 2001 г.): Тезисы докладов. М., 2001. С. 130.
3. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
4. Лирика русской свадьбы / Сост. Н.П.Колпакова. Л.: Наука, 1973.
5. Любимова Г.В. О роли детей в обычаях и обрядах календарного цикла (по материалам детских новогодних «посеваний» в Сибири) // Русские в Сибири: культура, быт, обряды. Новосибирск, 1998. С. 53–70.
6. Макашина Т.С. Свадебный обряд // Русские / Отв. ред. В.А.Александров, И.В.Власова, Н.С.Полищук. М., 1997. С. 466–499.
7. Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2001.
8. Сикевич В.В. Русские: образ народа. СПб., 1998.
9. Чистов К.В. Традиционные и «вторичные» культуры // Расы и народы. М., 1975. Вып. 5.